

Небо

В ТВОИХ

Глазах

Злюся Романова

18+

Злюся Романова
Небо в твоих глазах

«Автор»

2026

Романова З.

Небо в твоих глазах / З. Романова — «Автор», 2026

Любовь длиною в десять лет обернулась двумя полосками на тесте и одним словом от любимого: «Аборт». Спасением стал фиктивный брак, но может ли он стать настоящим? И что победит, когда бывший, осознав, кого потерял, вернется, чтобы забрать «своё»? Выбор Алёны между двумя братьями определит судьбу каждого. ЭМОЦИОНАЛЬНО ПРИСУТСТВУЕТ НЕЦЕНЗУРНАЯ ЛЕКСИКА ХЭ

© Романова З., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Злюся Романова

Небо в твоих глазах

Глава 1

Алёна

Стены клуба сомкнулись вокруг меня, вдавились в рёбра тяжёлым, звериным гулом басов.

Воздух казался слишком плотным, почти осязаемым, он обжигал лёгкие приторной смесью парфюма и чужого пота.

Я всегда ненавидела такие места. Каждое посещение подобных заведений превращалось в осознанное насилие над собой, но сегодня это насилие было мне необходимо.

В этом хаосе звуков и неоновых светов скрывался мой личный ад, моя единственная и самая долгая зависимость.

Я сделала шаг в пульсирующее месиво тел, стараясь не задевать окружающих.

Кожа горела от случайных прикосновений, будто по ней проводили наждачной бумагой.

Туфли, оказавшиеся на размер меньше, впивались в пальцы тупой, настырной болью при каждом движении.

Кира обещала, что в этом блестящем топе и облегающих брюках я буду смотреться убийственно. Теперь я чувствовала себя так, словно надела тесные доспехи, которые не защищали, а лишь сковывали дыхание.

Мой взгляд зацепился за вип-зону на втором этаже.

За панорамным стеклом, в этом аквариуме для избранных хищников, сидели они.

Братья Страховы.

Четыре стихии, которые правили моим миром последние десять лет.

Подъём по лестнице превратился в настоящую пытку. Ноги простреливало острой болью, сердце колотилось где-то в районе пересохшего горла, мешая нормально дышать. Взгляды, скользившие по моему телу, казались липкими и грязными.

Глеб сидел в самом углу, откинувшись на спинку дивана.

Он медленно поворачивал в длинных пальцах телефон. Стихия Земли. Незыблемый и холодный, он всегда пугал меня своим умением заполнять пространство тишиной.

Глеб не спрашивал, зачем я пришла. Тяжёлый взгляд его колючих зелёных глаз остановился на моих пальцах, вцепившихся в ремешок сумки, потом на губах, которые я никак не могла разжать. Он ничего не сказал.

Рядом в глубоком кресле утонул Булат.

Голубоглазый и светловолосый, он напоминал скандинавского бога. Воздух.

Сейчас он был целиком поглощён девчонкой, сидевшей у него на коленях. Их поцелуй был жадным, влажным и абсолютно лишённым стыда.

Булат лишь коротко подмигнул мне с лёгкой насмешкой, прежде чем снова исчезнуть в чужих губах.

Ближе всех сидел Егор, мой бывший одноклассник. Вода.

Егор быстро поднялся. Тревога мелькнула на лице и тут же спряталась за привычной улыбкой. Он встал между мной и Никитой, закрывая его от меня корпусом, мягко взял меня за локоть и увёл на свободное место рядом с собой.

– Заяц, ты совсем бледная, – Егор подвинул ко мне стакан с водой. – Сядь. Тебе нужно выдохнуть.

Я послушно опустилась на диван, чувствуя, как ноги пульсируют от облегчения. Глупое, прилипшее с детства прозвище. Аленка Зайцева превратилась просто в «Зайца».

Егор не сводил с меня глаз. Пальцами он молча постукивал по краю стакана, и от этого молчания мне становилось ещё хуже.

– Зачем ты пришла в этот гадюшник? – Егор говорил тихо, стараясь, чтобы его слова не долетели до Никиты. – Давай я отвезу тебя домой прямо сейчас.

Я покачала головой, сжимая с силой стакан с водой. Егор вздохнул, подвинулся чуть ближе и плечом отсёк меня от их столика. Он ничего не доказывал, просто сидел рядом, пока я смотрела туда, где горел чужой огонь.

Никита. Огонь.

Опаляющий, неукротимый и совершенно безжалостный.

Он откинулся в кресле с показной небрежностью. Прямо за ним, обвив его плечи руками, висла рыжая девица. Она что-то шептала ему на ухо, мелко хихикая и бросая на меня ядовитые взгляды.

А он просто смотрел на меня без удивления. В его непроницаемом взгляде читалась лишь бесконечная досада.

Я встала, игнорируя протестующий жест Егора. Сделала шаг к Никите, почти коснувшись его коленей.

– Я соскучилась, – прошептала я, чувствуя, как горло перехватывает спазм.

Никита лишь сильнее сжал челюсти. Желваки на его скулах заиграли под кожей. Он демонстративно поставил стакан на столик и поднялся, возвышаясь надо мной, как карающий бог.

– Тебе здесь не место. Иди домой.

Он не просто сказал это, он отрезал меня от своей жизни, так же как сделал это месяц назад.

Рыжая девчонка тут же соскочила с кресла, обвивая его руку своими тонкими пальцами. Они направились к выходу, я рванула следом.

Туфли жгли ступни настоящим пламенем. Ночной воздух на улице обжёг лицо холодом.

Белая Audi Никиты уже рычала мотором.

Я подбежала к водительской двери и начала бить ладонью по тёмному стеклу.

– Никита! Открой! Мне нужно сказать тебе...!

Машина рванула вперёд с визгом покрышек, оставив меня в облаке едкого газа и горького унижения.

Я стояла на тротуаре, глотая слёзы.

Позади раздались тяжёлые, размеренные шаги. Глеб подошёл вплотную и молча набросил на мои дрожащие плечи свой пиджак. Ткань, сохранившая его тепло, и запах, на мгновение уняла мою дрожь.

– Пойдём, Алёна. Хватит на сегодня.

Его голос был сухим, но в нём не было издёвки. Только весомая правда Земли, которая всегда принимает то, что упало.

Глеб

Белая Audi скрылась за поворотом.

Я стоял у края тротуара, чувствуя подошвами привычную вибрацию мегаполиса, но этот хаос не мог нарушить мой внутренний баланс, выстроенный годами строгой дисциплины.

Внутри меня не было привычной для Ника вспыльчивости, только сухая и ясная злость, которую я привычно отодвигал в самые тёмные углы своего сознания.

Мой младший брат никогда не умел правильно рассчитывать нагрузки. Он возводил свои отношения полагаясь на случайные импульсы и дешёвые внешние эффекты.

Я перевёл взгляд на Алёну и заметил, что она стоит слишком близко к проезжей части. На ней был этот блестящий топ, едва прикрывавший тело, и тонкие брюки, которые совершенно не подходили для прохладной майской ночи.

Я видел, как она мелко и часто дрожит, и понимал, что это не просто реакция на холод, а тот самый критический предел прочности, за которым начинаются необратимые внутренние разрушения.

Во мне нарастало мощное, почти первобытное желание просто подойти и зафиксировать её в своих объятиях, чтобы эта дрожь прекратилась.

Но я знал, что сейчас этого делать нельзя.

Если я сейчас сорвусь и покажу всё, что копил в себе эти годы, я её просто раздавлю.

Ей нужно было время, чтобы прийти в себя после того, как её растоптали. Время, чтобы осознать простую истину: почва под её ногами больше не уйдёт в бездну, пока я нахожусь поблизости.

– Пойдём к машине.

Она молча пошла за мной, и я видел, как тяжело она переставляет ноги. Обувь была ей мала, она хромала, но не жаловалась.

Это было так на неё похоже – терпеть боль, лишь бы казаться той, кем она не является.

Я шёл на полшага сзади, закрывая её своей спиной от всего этого дерьмового вечера.

Мой внедорожник ждал на парковке, массивный и чёрный, представляя собой полную противоположность скоростным и капризным машинам моих братьев.

Я открыл перед ней дверь, терпеливо дождался, пока она устроится на кожаном сиденье, и только после этого закрыл дверь.

Машина плавно выехала на проспект, вливаясь в редкий поток ночного транспорта, и начал фиксировать периферийным зрением её профиль.

Она сидела, обхватив себя руками, и смотрела на проплывающие мимо огни Москвы.

Злость на брата продолжала пульсировать где-то глубоко в мышцах челюсти, ведь он даже не осознавал тяжести совершённого им поступка.

Воспользоваться её влюбленностью и оставить её одну в таком состоянии, ради мимолётного увлечения очередной пустышкой – это было дно даже для него.

– Дома выпей горячий чай и постарайся уснуть, – сказал я, не отрывая взгляда от дороги.

– Завтра утром все эти события будут выглядеть совершенно иначе.

– Спасибо тебе, Глеб. – она посмотрела на меня.

В глазах было столько растерянности, что у меня на секунду перехватило дыхание.

Я коротко кивнул, сохраняя привычное спокойствие, хотя внутри всё требовало немедленно забрать её из этой жалкой съёмной конуры в свой мир.

Первым выйдя из машины, почувствовал, как прохладный ночной воздух мгновенно проникает под рубашку.

Обойдя капот, я открыл пассажирскую дверь и помог ей подняться.

Она стояла, понурив голову. Светлые волосы закрывали лицо, пряча от меня её слёзы. Мой пиджак, слишком широкий в плечах, висел на ней тяжёлым коконом, делая её фигуру ещё более хрупкой.

Алёна медленно поплелась к тускло освещённому входу в подъезд, нелепо хромя в своих тесных туфлях.

Я смотрел на эту тоненькую фигурку и внутри снова начало ворочаться то самое чувство, которое я годами методично загонял в бетон.

В груди стало тесно от осознания, что сейчас она закроет за собой замок и снова исчезнет в мире, полном тоски по моему брату.

Отпустить её просто так я не мог. Я сделал шаг вперёд и остановился, оставив, между нами, короткий промежуток.

Алёна

В салоне было так тихо, что я слышала собственное рваное дыхание и тихий гул двигателя, который казался оглушительным на фоне моего молчания.

Глеб молчал, сжимая руль так, будто хотел его раздавить. Я захлебывалась собственным дыханием, слезы текли по лицу солеными ручьями, оставляя горький привкус на губах.

– Спасибо тебе, Глеб. – бросила я, захлопывая дверь и сделала несколько шагов по черному асфальту. – Пока!

– Алёна.

Разворачиваюсь.

Глеб стоит у машины, его глаза впиваются в меня, раздевая до самой души. Руки в карманах, высокий, сильный, устрашающий в своей неподвижности.

– Он тебя не любит.

– ЗНАЮ! – вырывается из меня крик, рвущий горло. – Знаю, черт возьми! Думаешь, я не вижу, как он смотрит на меня? Как смотрит на других?

Он делает глубокий вдох, и в его взгляде читается что-то, не могу разобрать что...

– Сколько ты еще будешь мучить себя?

– Я ничего не могу поделать со своими чувствами!

– Ты убиваешь себя. Режешь по живому. Он не оценит. Ему не нужны эти жертвы.

Я стою как оглушенная. Столько слов от Глеба.

Что на него нашло?

Неужели и я его достала тем, что вечно таскаюсь за Никитой?

Обнимаю свои плечи, пиджак должен греть, но он не справляется, в душе – мерзлота.

– Иди, – вдруг слышу его сухой голос.

Поворачиваюсь, делаю первый шаг, потом второй. У подъездной двери замираю.

За спиной не слышно ни шагов, ни окрика, только мерный шум его дыхания и далёкий гул проспекта.

Я должна зайти внутрь, спрятаться за железной дверью. Вместо этого оборачиваюсь.

Глеб стоит у машины и не двигается. Смотрит так горячо, что у меня под кожей вспыхивает жар.

– Алёна....

Я знаю, что надо отвернуться, но взгляд сам соскальзывает к его губам, задерживается там на секунду. Глупую, невозможную секунду. Мне становится стыдно за себя.

Он замечает это. Делает шаг, потом ещё один, медленно, давая мне время отступить.

Я не отступаю. Сердце колотится так громко, будто сейчас выдаст меня ему целиком.

Его ладони ложатся на мои плечи. Я успеваю вдохнуть его запах, и только после этого он целует меня, резко, горячо, почти зло. Поцелуй длится несколько ударов сердца, а потом я сама отталкиваю его, испугавшись не Глеба, а того, что успела почувствовать.

Бросаюсь к подъезду. Лифт не работает. Поднимаюсь пешком все пять этажей, каждый шаг отзывается болью в избитой душе. Когда дверь захлопывается, я прислоняюсь к ней спиной и медленно сползаю на пол.

Оглушительная тишина.

Сажу на холодном полу и понимаю, больше нет сил даже плакать. Тело бьет мелкая дрожь, но слез нет – только пустота.

Мыслями возвращаюсь к поцелую с Глебом.

Зачем он это сделал? Он всегда был холодным и отстраненным.

Что это было? Жалость? Желание доказать что-то? Или он решил, раз один брат попользовался, можно и ему?

Голова идет кругом, сердце ноет. Нет, надо успокоиться.

Накрываю голову руками, и воспоминания снова накатывают волной...

Тот единственный месяц теперь не складывался в историю. Он распался на вещи, и каждая резала точнее воспоминаний.

Старая футболка Никиты на моей коже. Мягкая, растянутая у ворота, пахнущая им настолько сильно, что я боялась стирать её и стереть этот запах.

Чашка на его кухне, белая, с тонкой трещиной у ручки. Я каждый раз брала её себе, а он смеялся и называл меня захватчицей.

И ещё ключ, брошенный им на тумбу в прихожей, когда я решила, что меня впустили не на ночь, не на неделю, а по-настоящему.

Глупость.

Всё это были просто вещи: ткань, керамика, металл. Я сама придала им смысл, сама поверила.

Теперь от той кухни остался только привкус стыда за то, как легко я перепутала влечение с душевной близостью.

Целый месяц я унижаюсь, умоляю, теряю последние остатки достоинства. Вся моя гордость растоптана.

Сегодня я пришла сказать ему о беременности наивно надеясь, что это его остановит, что он вернется. Что у нас все будет как раньше. Ведь он был для меня всем. Ему я отдала свою невинность, свою душу.

Беременность... Мне так страшно думать о будущем. Я ведь даже не сразу поняла. Выпала из жизни после его ухода.

Погруженная в тоску, не обратила внимания на утреннюю тошноту, усталость, апатию. Списывала на стресс, а потом задержка, и две роковые полоски, перевернувшие все.

– Ты должна ему сказать, – упорно твердила Кира, разливая по кружкам чай. Мы делили с ней однокомнатную квартиру в Балашихе.

– Думаешь, это правильно?

– Конечно! – она поставила чайник на подставку. – Он отец. Пусть разделит с тобой ответственность. Пусть тоже думает, как вам быть.

– А если... – я сглотнула ком в горле, – если он потребует аборт?

Кира тяжело вздохнула.

– Не исключено. Зная Страхова... – она не договорила, но я поняла.

– И что же мне тогда делать?

– Тогда... – Кира присела рядом и обняла меня за плечи, – тогда решение придётся принимать тебе одной. Только тебе.

– Я не потяну ребёнка, Кир, – прошептала я, закрывая лицо ладонями. Счёт за эту квартиру, который мы с Кирой собираем буквально по копейкам... Мои ночные бдения за компьютером, где я ретуширую чужие фотографии... Всё это мелькало перед глазами, как укор. Этих денег едва хватало на жизнь для меня одной. – Ты же знаешь...

– А вдруг... – Кира говорила осторожно, подбирая слова, – вдруг он вернётся? Может, согласится помочь... Должны же быть в нём проблески совести.

Её рука сжала моё плечо.

– В любом случае, ты не узнаешь, пока не скажешь ему. Правда всегда лучше неизвестности.

В кармане завибрировал телефон, прервав мои мысли.

Сообщения от Егора, одно за другим: «Заяц. Ты дома?» «Все в порядке?» «Ален, ответь».

«Да», – быстро отправила я, закусив губу. – «Не волнуйся».

Егор.

В этом весь он.

Беспокоится, защищает, пытается подстелить соломку.

Хороший парень, настоящий. От таких не захлебываются слезами по ночам, не стучат ладонями в тёмное стекло, не глотают выхлоп вместо ответа.

Иногда он задерживает взгляд слишком долго, и мне хочется отвести глаза первой.

Не потому, что неприятно.

Потому что стыдно: рядом с ним всё кажется простым, правильным, а меня всё равно тянет туда, где больнее.

Почему в мире должно быть так несправедливо?

Почему любовь так редко бывает взаимной и так часто – приговором?

Отбрасываю телефон в сторону и медленно поднимаюсь с холодного пола. Бреду в ванную, держась за стену.

Киры сегодня нет. Она предупредила, что ночует у своего парня. Хороший он у нее, заботливый, и любит её. В отличие от Никиты, который, кажется, вообще не способен любить.

Включаю свет. В зеркале чужое лицо: размазанная тушь, бледная кожа, пустые глаза. Сбрасываю туфли, швыряю в угол, сдираю вечерний наряд.

Все эти «доспехи» не помогли.

Нашла чем шокировать пресыщенного Никиту.

Дура!

Водой пытаюсь смыть унижение. Тру кожу мочалкой, сдирая воспоминания. Надеваю его старую футболку, единственное, что хранит запах Никиты. Не стирала, берегла. Только в ней могу заснуть, притворяясь, что это его объятия согревают меня.

Что же делать? Как сказать ему?

Он избегает меня, бежит как от чумной. Телефонные звонки бесполезны, я в черном списке.

«Ты меня задолбала со своей любовью. Ты мне не нужна... И твои чувства мне не нужны» – эти слова до сих пор жгут душу.

Подхожу к окну, город спит.

Где-то там он с той рыжей или уже с другой. Неважно, их всегда были десятки, а я остаюсь здесь. Вечное унижение, вечная боль, и теперь вечное напоминание о нем, растущее внутри.

Алёна

Три дня.

Три бесконечных, выматывающих дня я превращала себя в тень, в одержимый призрак, караулящий его в коридорах института.

Я пряталась за холодным мрамором колонн, вжималась в стены, когда видела похожую куртку в толпе, и ловила каждый обрывок чужого смеха, надеясь узнать его голос.

Это было осознанное безумие, насилие над собственной гордостью, но я не могла иначе.

Он исчез.

Никита будто считал мое отчаяние кожей, почувствовал мою нужду в нем и просто испарился, оставив меня задыхаться в этой неопределенности.

На четвертый день, ведомая каким-то животным чутьем, я направилась в самый удаленный корпус. Там, где пахло хлоркой из бассейна и глухо стучали мячи в спортзале.

Егор шел со мной, но в последний момент замешкался: ему нужно было занести стопку учебников в библиотеку.

Он посмотрел на меня с тревогой, хотел что-то сказать, но я лишь качнула головой и ускорила шаг. Я не могла ждать. Каждая минута промедления отдавалась режью внизу живота.

Дверь триста четвертой аудитории скрипнула, и мир на мгновение замер.

Из нее вышел он.

Мой Ник.

Моя персональная религия и мое самое страшное проклятие.

Он не был один.

Рядом, почти приклеившись к его плечу, шла та самая рыжая из клуба. Она заходилась в вульгарном хохоте, а ярко-красная помада была небрежно размазана по уголкам ее губ.

Она вытирала рот тыльной стороной ладони. В её жесте было столько торжествующей пошлости, что меня едва не вывернуло.

Никита сиял той самой ослепительной, хищной улыбкой, которую я не видела уже месяц, и теперь она вся, до последней искры, принадлежала этой стерве.

Внутри меня что-то с грохотом обрушилось, оставляя лишь грудку ледяных осколков.

– Урод... – вырвалось у меня мертвым шепотом. – Какой же ты урод...

Он услышал.

Его голова резко повернулась в мою сторону. Улыбка не просто исчезла, она стерлась, сменившись привычной маской брезгливого раздражения.

Он смотрел на меня так, будто я была досадным насекомым, мешающим ему наслаждаться днем.

– Опять ты? – его голос ударил наотмашь. – Что на этот раз, Алена? Очередной концерт для публики?

Рыжая хихикнула, вцепившись в его локоть еще крепче, как клещ в жертву. Её ядовитый взгляд так и колотил меня, обещая скорую расправу.

– Мне нужно поговорить с тобой, – я пыталась придать голосу твердость, но он предательски дрогнул, выдавая мою слабость. – Наедине, Никита. Пожалуйста.

– У меня нет времени на твои дешевые истерики, – отрезал он, уже собираясь пройти мимо.

– Подожди. Хотя бы минуту. Это касается нас обоих.

– Нас обоих? – он коротко усмехнулся. – Ты опять начинаешь?

– Ник, я не стала бы искать тебя здесь, если бы...

– Ты уже месяц ищешь меня везде. В клубе, в институте, возле машины. Может, хватит? Я с силой сжала пальцы, костяшки побелели.

– Я была у врача, – выдавила я. – И мне сказали...

– Мне плевать, что тебе сказали.

Тогда внутри оборвалось что-то тонкое, последнее. Я подняла глаза и произнесла уже с вызовом:

– Я беременна, Ник.

Он замер так резко, будто врезался в невидимую стену. Между его бровей залегла глубокая, гневная складка. Воздух вокруг него, казалось, наэлектризовался.

– Уйди, – бросил он рыжей, даже не глядя на неё. Та попыталась что-то возразить, надув губы, но наткнулась на его взгляд и осеклась.

– Ох, Ник, я подожду внизу... – она театрально вздохнула, приложив ладонь к груди. – Вечно у тебя какая-то драма, драма, драма...

Вихляя бедрами, она направилась к лестнице, оставив нас в звенящей тишине коридора.

Никита мгновенно сократил расстояние, между нами. Его пальцы стальными тисками впились в мое плечо чуть выше локтя, заставляя меня поморщиться от боли.

– Врешь, – прошипел он мне в самое лицо. – Ты всё это придумала.

– Нет! – я попыталась вырваться, но он лишь сильнее сжал хватку.

– А ты уверена, что он вообще мой? – в его голосе прозвучал такой ядовитый намек, что я на секунду онемела от шока.

Я дернулась всем телом, вырывая руку.

– Не смей равнять всех по себе! – выплюнула я сквозь зубы. – Если ты привык спать со всем, что подает признаки жизни, это не значит, что я способна на такое. Ты прекрасно знаешь, что был первым у меня.

Никита тяжело дышал.

Я видела, как раздуваются его ноздри, как ходит ходуном грудная клетка.

От него исходила волна такой агрессии, что у любого нормального человека сработал бы инстинкт самосохранения.

Но я, как последняя дура, невольно вдохнула его запах, который до сих пор вызывал во мне болезненную тоску.

– Значит, аборт. Мне не нужны эти проблемы. Ни ты, ни этот ребенок в мои планы не входите.

– Но как ты можешь... Ник, мы же были вместе! Я думала, ты... ты любил меня...

– Я тебя никогда не любил, Зайцева, – эти слова упали между нами, как надгробные камни. – Ты сама предлагала – я просто брал. Я не давал тебе ни одного обещания. И, честно говоря, я уже тысячу раз пожалел, что связался с тобой. Ты не в моем вкусе, Алёна. Слишком правильная, слишком скучная. Мы из разных миров. И я не собираюсь заковычивать себя в цепи из-за твоей неосторожности. Ты ошиблась адресом.

Он на мгновение замолчал, изучая мое раздавленное лицо.

– Сегодня после пар жди у машины. Поедем в нормальную клинику, я всё оплачу.

– Зачем? – прошептала я, хотя внутри уже всё знало ответ. Я просто не хотела в это верить.

– Ты что, правда дура? – в его глазах вспыхнуло презрение. – Избавимся от проблемы, и ты навсегда исчезнешь из моей жизни. Дошло?

Воздух в легких закончился. Мир сузился до этой узкой полоски коридора и его жестокого, надменного лица. Ненависть, копившаяся во мне весь этот месяц, вдруг ударила в голову чистым адреналином. Моя рука взметнулась сама собой.

Звук пощечины гулко разнесся по пустому переходу. Ладонь горела, будто я ударила по раскаленной плите, но эта боль была ничем по сравнению с тем, что творилось в душе.

– Ненавижу тебя! – вырвалось у меня вместе с хрипом.

– Совсем охренела?!

В следующую секунду он рывком прижал меня к стене. Его пальцы впились в мое запястье так сильно, что кожа мгновенно побелела. Он навис надо мной, и в его глазах я увидела безжалостного и дикого зверя.

– Отпусти ее, Ник!

Из-за поворота вылетел Егор. Его лицо, обычно мягкое и спокойное, сейчас было искажено такой яростью, что Никита невольно ослабил хватку.

– Ты в курсе, какую дичь она мне тут втирает? – Ник обернулся к брату, но руку мою не отпустил.

– Ты ведешь себя как последний мудака! – Егор буквально вклинился, между нами, заставляя меня собой. Он был ниже Никиты, но сейчас за его спиной я чувствовала себя в безопасности.

– Не лезь не в свое дело, Егорка! – Ник оскалился, его глаза полыхали голубым пламенем. – Иди лучше свои книжки в библиотеке пересчитывай!

Их гневные голоса сливались в один гул, который пробивался ко мне сквозь вату паники. Егор пытался звать к остаткам совести брата, но Никита лишь сильнее распался. Его слова становились всё грязнее, всё беспощаднее.

В какой-то момент Никита не выдержал.

– Хватит! Задолбали оба! – он оглушительно крикнул, заставив нас замолчать.

Он развернулся и быстро зашагал прочь, но на полпути остановился и бросил через плечо, не оборачиваясь:

– Чтобы после пар ждала у моей машины.

Его широкая, уверенная спина скрылась за поворотом, оставив после себя лишь запах агрессии и страха.

Мои ноги подкосились. Если бы не Егор, я бы рухнула прямо на грязный пол. Я медленно сползла по стене, и рыдания, которые я так долго сдерживала, наконец разорвали грудь на части. Егор тут же опустился рядом, крепко обнимая меня за плечи. Он притянул меня к себе, и я уткнулась лицом в его куртку, пахнущую свежестью и спокойствием.

– Почему он так со мной... Егор, почему он такой жестокий? Почему он не может просто... просто быть человеком? – всхлипывала я, захлебываясь слезами.

– Тихо, Заяц... Тише, маленькая, – он гладил меня по волосам осторожно, почти не касаясь. – Всё будет хорошо. Слышишь? Я рядом. Я тебя в обиду не дам. Клянусь, Алён. Я помогу тебе... только скажи, что мне сделать.

Его доброта и искренность ранили меня сейчас сильнее, чем вся злоба Никиты. Прямо здесь, в этом безлюдном коридоре, я могла бы всё закончить.

Сказать ему правду. Выложить, что ношу под сердцем племянника, который не нужен его брату.

Эта новость была бы подобна бомбе, способной окончательно разрушить и без того хрупкий мир в семье Страховых.

Я видела их – двух братьев, которые только что едва не сцепились в драке.

Принести Егору это известие – значило бы заставить его выбирать. Заставить его нести этот груз, стать соучастником тайны, которая выжжет его изнутри.

Он был слишком хорошим для такой грязи. Он этого не заслуживал.

Я резко вытерла слезы тыльной стороной ладони, собирая остатки воли.

– Ничего особенного, Егор, – выдавила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Просто... очередной раунд унижения. Очередное «пошла вон». Я, наверное, уже должна была к этому привыкнуть. Просто накрыло.

– Алён... – Егор смотрел на меня так, будто уже понял больше, чем я сказала, но не решался спросить. – Он мудака. Я же тебе говорил миллион раз, он не стоит твоих слез. Забудь про него. Не ходи за ним больше.

– Знаю, – прошептала я, поднимаясь на ватные, дрожащие ноги. – Всё знаю, Егор. Спасибо тебе... за то, что заступился. Пойдем отсюда, пожалуйста. Здесь слишком душно.

Глава 2

Никита

Достала.

Окончательно и бесповоротно достала эта Алёна с её вечными преследованиями, мокрыми глазами и попытками поговорить.

Будто я не говорил ей с самого начала, чётко и ясно: «Я не тот человек, с которым стоит связываться».

Она упрямо не слышала или слышала, но переворачивала всё так, будто я просто боюсь счастья, семьи и её великой любви.

Да не боюсь я. Мне это нахрен не сдалось.

Я не хочу серьёзных отношений, и на этом всё.

Не хочу ужинов по расписанию, сообщений «ты где?», обид в три ночи и этих разговоров с дрожью в голосе. И уж точно не собирался связываться с девчонкой, в которую по уши влюблён младший брат, но связался.

Красавчик, Никита Страхов. Сам себе яму выкопал, сам же теперь в ней и стою по колено. У нас в семье из-за неё терки начались.

Егор смотрит на меня предателем, будто я у него последнюю игрушку отжал.

Глеб буравит взглядом и молчит так, что лучше бы уже врезал.

Булат ухмыляется, гад, будто сериал смотрит с лучшего места.

Зачем я вообще с ней связался?

Ах да, я тогда знатно набухался в клубе. Хотел вызвать такси, а в итоге набрал ей.

Как так вышло, хуй знает. Утром просыпаюсь, а на подушке её волосы. Светлые, мягкие, раскиданы по моей чёрной наволочке, будто она там прописалась.

И я понимаю: Никитос, ты вляпался.

Она проснулась, потянулась ко мне, шепнула это своё дурацкое «люблю» и так посмотрела, будто я уже поставил подпись под ипотекой, свадьбой и тремя детьми.

Меня переключило. Не от нежности, нет. От злости. На себя, на неё, на эту идиотскую тишину рядом с ней.

Слишком уютно стало. Слишком по-настоящему.

А мне такого добра не надо.

Четыре недели мы были типа вместе.

Для меня это почти подвиг, почти семейная каторга с занавесками.

Она смеялась на моей кухне, пила кофе из моей чашки, ходила по квартире в моей футболке и делала вид, что всё это нормально. А я делал вид, что мне просто удобно.

Ну да, удобно. Еда на плите, чистые рубашки, тёплая девчонка рядом, никаких лишних поисков по клубам.

Удобно, мать его. Именно так я себе и объяснял.

А потом началось это «мы».

Наше будущее. Наш дом. Наши планы.

Я приходил домой, а она сидела на подоконнике с ноутбуком, ретушировала чужие фотографии и поднимала на меня глаза.

Голубые. Слишком открытые. Слишком честные для моей жизни и моего дерьмового характера.

Ненавижу её глаза.

Нельзя так смотреть на человека, который ничего тебе не обещал.

Хотя вот что смешно: в машине у меня до сих пор валяется её резинка для волос. Голубая, растянутая, с двумя светлыми волосками, зацепившимися за ткань.

Нашёл её под пассажирским сиденьем неделю назад. Хотел выбросить. Даже взял двумя пальцами, открыл окно на светофоре и уже почти швырнул.

Потом сзади какой-то умник посигналил, я послал его вслух, кинул резинку в бардачок и дал по газам.

Забыл, конечно. Просто забыл.

Она, кстати, правда была не такая, как остальные.

Смешная иногда. Упрямая. Наивная до зубовного скрежета.

Могла полчаса спорить из-за какой-то ерунды, а потом вдруг замолчать, подойти и положить ладонь мне на шею. Без слов.

Вот это бесило сильнее всего. Не истерики даже, не разговоры о любви, а такие моменты, где я почти начинал верить, что можно иначе.

Почти, но я не идиот.

Потом она приехала с чемоданом. У неё, видите ли, квартиру затопило, хозяева ремонт делать будут. Стоит на пороге, пальцы вцепились в ручку чемодана, губу кусает.

«Впусти ненадолго», говорит.

Я должен был сразу закрыть дверь. Сразу. Но пропустил.

Потому что идиот.

Через пару дней квартира уже пахла её духами, на кухне стояла её чашка, в ванной висело розовое полотенце.

Она ждала меня дома. Сидела, готовила, спрашивала, ел ли я, устал ли, что случилось.

Честно?

Иногда это было под дых.

Не потому, что плохо. Потому что слишком близко.

Мне не нужна эта близость. Не нужна ответственность, которая подкрадывается тихо, без скандалов, через тарелку супа, постиранную футболку и её сонное лицо на моей подушке.

Я не мужик из рекламы семейного счастья. Я не буду играть в домик, пока она лепит из меня нормального человека.

Как же меня всё достало.

Достали взгляды Глеба.

Достало обиженное лицо Егора.

Достал Булат со своим вечным спокойствием, будто он один в этой семейке не влипает по самые уши.

И больше всего достала она, потому что даже после всего этого я до сих пор помню, где у неё родинка на плече и как она морщит нос, когда чай слишком горячий.

Вот это вообще лишнее. В моей голове ей делать нечего.

Я бросил её, потому что так было проще. Подвернулась девка, громкая, яркая, без разговоров о будущем.

С ней всё понятно: клуб, машина, смех, дверь захлопнулась, утром никто не смотрит так, будто у тебя внутри есть что-то хорошее. Вот это мне подходит. Так я себе сказал.

С Алёной не подходило ничего. С ней даже молчать было опасно.

Она плакала, звонила, ловила меня после пар. То орала, что ненавидит, то смотрела так, что хотелось сорваться и сказать что-нибудь нормальное.

Не говорил. Вместо этого бил туда, где больнее. Пусть уйдёт сама, пусть возненавидит, пусть наконец поймёт, что со мной ловить нечего.

А она не понимала.

Месяц ходила за мной по пятам. Молчала чаще, чем раньше. Потом выдала про беременность.

Неужели правда?

Мы же предохранялись или это её последняя попытка удержать меня?

Чёрт, я не знаю и не хочу знать.

Я достал телефон, открыл её чат. Пальцы сами набрали: «Сколько недель?»

Посмотрел на эти слова и почувствовал, как внутри что-то мерзко дёрнулось.

Не жалость. Нет.

Просто нормальная реакция нормального человека, наверное. Хотя какой из меня нормальный человек, смешно даже.

Стер.

Набрал другое: «Чтобы была вовремя. Не вздумай устраивать цирк».

Тоже стёр.

Экран погас, отразив мою рожу. Злой, уставший, будто загнанный в угол.

Охренеть можно.

Придётся брать ситуацию в свои руки. Отвезу её в клинику, оплачу всё, закроем вопрос без лишних разговоров.

Мне не нужен ребёнок.

Не нужна петля на шее.

Не нужна девчонка, которая умудрилась оставить в моей машине резинку для волос и в голове такую кашу, что хочется разбить телефон об стену.

Алёна

Белый внедорожник.

Он сиял под ярким солнцем, чистый до стерильного блеска.

Я стояла рядом, вжавшись в толстовку, и не могла согреть заледеневшие пальцы.

Внутри все сжалось в один тугой, болезненный комок. Никиты еще не было. Я посмотрела на часы.

Пара скоро закончится.

Сейчас он выйдет. Моя единственная, мучительная любовь.

Из здания института повалили студенты. И среди них – он. Как царь и бог в окружении свиты. Тут же Демид, как клоун, суетится, чушь какую-то несет.

– Здорово, красотища! – хохотнул он, увидев меня. – А чего мы такие серьезные?

– Отвали, Демид, – буркнула я, глядя в асфальт.

– Да ладно тебе, не будь букой. Ну, бросил тебя парень... Другого найдешь. Посмотри перед собой! – он развел руки, предлагая «оценить товар лицом». Дебил.

– Пошел нахуй, – послышался резкий, как пощечина, голос Никиты. – Садись, – это уже прозвучало для меня. Без эмоций. Как команда собаке.

Дверь открылась, и я села.

В салоне пахло дорогим ароматизатором и... чужим парфюмом.

Терпким, наглым.

Так пахла та рыжая стерва, которая была с ним сегодня.

Неужели они и здесь трахались?

В этой машине?

В горле встал ком отвращения и жгучей обиды.

Ненавижу.

Ненавижу его, её... и себя.

Я смотрела в окно, стараясь дышать ровно, чтобы не расплакаться, не закричать.

Он не смотрел на меня.

Включил музыку – какой-то агрессивный рэп, который должен был заглушить самую возможность разговора, мое существование.

Город проплывал за стеклом размытым пятном.

Я видела отражение его сильных рук на руле, татуировка пламени выглядывала из-под рукава.

Эти руки... они столько раз касались меня. Жгли мою кожу, а сейчас пальцы Никиты лежали на руле ровно и спокойно.

Я знала, он ненавидел эту поездку.

Ненавидел меня за то, что я ее устроила, а я ненавидела себя за эту крошечную, уродливую, глупую надежду, что он посмотрит на меня и... передумает.

Скажет: «Стой. Давай все начнем сначала».

Но он лишь прибавил газу, будто хотел поскорее выбросить меня из своей жизни.

Клиника.

Платное отделение.

Холодное, безликое здание.

Он выключил двигатель. Звук щелчка ремня безопасности ударил по тишине.

– Пошли, – бросил он, не глядя, и вышел из машины.

Я поплелась за ним.

Скрип линолеума, едкий запах хлорки и лекарств.

Он говорил с администратором, его голос был ровным, деловым, как будто он заказывал услугу по чистке ковра.

Кабинет врача.

Женщина в белом халате, уставшее, безразличное лицо.

– Зайцева? – она посмотрела в документы, потом на меня. – Проходите.

Она задавала вопросы: дату последних месячных, регулярность цикла.

Никита стоял у стены, скрестив руки на груди, его лицо было каменной маской.

Я отвечала односложно, голос – чужой, провалившийся куда-то внутрь.

– За ширму. Ложитесь на кушетку. Сейчас сделаем УЗИ.

Холодный гель на животе. Датчик, скользящий по коже.

Я зажмурилась, стараясь не дышать, пытаюсь стать невидимкой.

Врач водила датчиком, всматриваясь в монитор. Тишину нарушал только ровный гул аппарата.

И вдруг... другой звук. Частый, стремительный, отчаянный.

Маленькое сердцебиение внутри.

Тук-тук-тук-тук...

Врач чуть повернула монитор.

– Беременность маточная. Срок – шесть недель. Сердцебиение определяется.

Мир остановился, рассыпался и собрался заново вокруг этого звука.

Это был не абстрактный «ребенок».

Это была жизнь. Живая, настоящая.

Я встретилась взглядом с Никитой. В его глазах не было ни удивления, ни смятения. Только холодная, обжигающая ясность и... раздражение.

Он шагнул вперед.

– Мы хотим прервать. Какие документы подписать?

«Мы».

«Прервать».

– Нет... – вырвалось у меня, хрипло и безнадежно.

Он наклонился ко мне, его голос стал тихим, свистящим и безжалостным.

– Алена, не устраивай цирк, или ты решила так подловить меня?

Его глаза были ледяными щелями, в которых не осталось ничего человеческого.

– Я не буду растить какого-то случайного ребенка. Ты мне не нужна, и он мне не нужен.

Поняла!

Я смотрела на него, а маленький, частый стук на мониторе все ещё бился в кабинете.
Никита говорил.
Врач молчала.
Аппарат гудел.
– Вытирайте гель и одевайтесь. – протянув мне салфетки сказала врач.
Я села, прижимая салфетку к животу.
– Что дальше? – спросил Никита.
Врач открыла файл на компьютере.
– Анализы. Общий анализ крови, коагулограмма, группа крови, резус-фактор, мазок.
После результатов записывается на процедуру. Срок позволяет.
– Когда можно?
– Через три дня, при готовых анализах.
Она говорила спокойно. Ровно. Будто называла расписание приема.
– Решение принимаете вы, – добавила она. – Я оформлю направление.
Аборт был назначен через три дня, после сдачи всех необходимых анализов.
С Никитой мы «расстались» около здания клиники.
– В четверг я заеду за тобой, поняла? – он говорил, глядя куда-то поверх моей головы. –
К этому времени подготовь все анализы. Не подведи меня.
Он развернулся, сел в машину и уехал, не оглянувшись ни разу.
Я брела, не разбирая дороги, уткнувшись взглядом в асфальт.
Дура.
Какая же я дура!
Как из всех мужчин на земле я могла влюбиться в такое ничтожество?
В эгоистичного, холодного ублюдка!
Солнце спряталось за тучи. Порывистый ветер рвал мои светлые волосы, хлестал по лицу.
Начал накрапывать дождь, который через час превратился в настоящий ливень.
День плавно перетек в вечер.
До дома оставалось недалеко, но каждый шаг давался с невероятным трудом.
И тут мимо на скорости проехала машина, окатив меня с головы до ног ледяной, грязной жижей.
Я замерла. Грязные потоки стекали по моему лицу, волосам и одежде.
Машина резко затормозила.
Я медленно, с ненавистью ко всему миру, повернула голову.
За темным стеклом внедорожника сидел...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.